

Эндрю Харфел

ГЕГЕМОНИЯ, ЛИБЕРАЛИЗМ И ГЛОБАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК:

ГДЕ МОГУТ ПОЯВИТЬСЯ НОВЫЕ ВЕЛИКИЕ ДЕРЖАВЫ?¹

Нет ничего удивительного в том, что в международной системе, в которой господствуют Соединенные Штаты, действительное и потенциальное поведение важных государств второго порядка неизменно привлекает к себе большое внимание. В этой статье рассматриваются некоторые способы, которыми Китай, Россия, Индия и Бразилия отвечают на американскую гегемонию и изменение характера международного общества. В этой статье я ставлю ряд важных аналитических вопросов, возникающих при осмыслении вариантов внешней политики этих стран, и предлагаю несколько основных концептуальных и теоретических категорий, позволяющих верно ставить такие вопросы. В первом разделе раскрываются причины, по которым эти страны рассматриваются вместе. Во втором разделе предлагается краткий обзор двух наиболее распространенных теоретических перспектив, где осмысляются системные требования, предъявляемые к этим странам. В третьем — и самом объемном — разделе рассматриваются действительные и потенциальные стратегии и возможности по пяти направлениям: региональное превосходство и статус крупной державы; международные институты и институциональное членство; отношения с Соединенными Штатами; возможное возникновение балансирующего поведения; и, наконец, связь между экономическим развитием и внешней политикой.

КИТАЙ, РОССИЯ, ИНДИЯ, БРАЗИЛИЯ: СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ

Почему эти страны привлекают особое внимание? Одна из причин состоит в том, что все они, по-видимому, обладают большими экономическими, военными и политическими властными ресурсами; одни способны вне-

1. Andrew Hurrell, 'Hegemony, liberalism and global order: what space for would-be great powers?' *International Affairs*, 2006, vol. 82, no. 1, p. 1–19.

сти свой вклад в поддержание международного порядка на региональном или глобальном уровне; другие обладают внутренней сплоченностью и способностью к совершению серьезных коллективных действий. В частности, в том, что касается Китая и Индии, особое внимание к ним обусловлено экономическими соображениями.² Двигаясь по проторенному пути, аналитики в конце 1990-х годов также называли Бразилию «ключевым государством» или одним из «большой десятки» нарождающихся рынков: «страны, вроде Китая, Индии и Бразилии, обретают достаточное влияние, чтобы изменить облик глобальной политики и экономики».³ Россия — особый случай: реальность последних двух десятилетий была реальностью упадка и разложения власти. Тем не менее ее внешняя политика сейчас стремится преодолеть упадок и вновь заявить о своих притязаниях на региональное и глобальное влияние.

Вторая причина состоит в том, что все эти страны полагают, что они вправе претендовать на более серьезную роль в международных отношениях. Одних устремлений, конечно, недостаточно, и искушенный реалист легко может высмеять напыщенные притязания государств, амбиции которых явно опережают их материальные возможности. И все же силам, участвующим в международных отношениях, необходимы цели и проекты, и постановка таких целей может вызвать национальную поддержку и сплоченность внутри страны и сама по себе служить важным властным ресурсом. Вспомним Неру или де Голля. Более того, поиск признания, которым занимаются эти четыре страны, — важнейшая составляющая политики иерархии. Вызовы легитимности международного порядка редко возникали из протестов слабых; чаще они исходили от тех государств или народов, которые обладали способностью и политической организацией для того, чтобы требовать пересмотра сложившегося порядка и его доминирующих норм такими способами, которые отражали их собственные интересы, проблемы и ценности. Так, лейтмотивом международной истории XX столетия была борьба ревизионистских государств за *Gleichberechtigung* — равные права, связанные с распределением территории, признанием региональных сфер влияния и стремления к равному статусу в формальных и неформальных международных институтах. Но, несмотря на изменение основных ресурсов власти или правил силовой политической игры, этот образец поведения остается важным элементом глобальной политики. И хотя вероятность военной конфронтации между гегемонистскими державами теперь существенно снизилась, проблема признания стала только острее с распростра-

2. Dominic Wilson and Roopa Purushothaman, *Dreaming with the BRICs: the path to 2050*, Global Economics Paper no. 99 (New York: Goldman Sachs, Oct. 2003). См. также: Arvind Virmani, *Economic performance, power potential and global governance: towards a new international order*, working paper no. 150 (New Delhi: Indian Council for Research on International Economic Relations, Dec. 2004).

3. Jeffrey E. Garten, *The Big Ten: the big emerging markets and how they will change our lives* (New York: Basic Books, 1997), p. xxv; Robert Chase, Emily Hill and Paul Kennedy, eds, *The pivotal states: a new framework for US policy in the developing world* (New York: Norton, 1999), esp. pp. 165–194.

нением представления о том, что международное общество должно стремиться к достижению общих ценностей и целей, а не просто поддерживать сосуществование или минимизировать возможные конфликты.

Третья причина для рассмотрения этих четырех стран вместе связана с развитием взаимоотношений между ними. Примеров такого взаимодействия немало: китайское и российское сотрудничество в Шанхайской организации сотрудничества (ШОС); совместные военные учения российских и китайских военных; возобновление дружественных отношений между Китаем и Индией, появление «большой двадцатки» в рамках ВТО в виде новой южной коалиции, возглавляемой Бразилией и Индией; укрепление связей между Индией и Бразилией (а также Южной Африкой) в форме ИБЮА; расширение китайских экономических связей с Индией и Бразилией. Такие примеры тщательно собираются теми, кто занимается поиском признаков скоординированной готовности бросить вызов Вашингтону, подтверждений складывающейся многополярности и нового потенциала для системного ревизионизма.

Последняя причина состоит в том, что эти четыре страны заметно отличаются от остальных стран второго порядка и держав средней величины. Джон Айкенберри убедительно показал, что одной из главных особенностей международной системы во второй половине XX века было появление международного порядка во главе с США, построенного вокруг институциональных и многосторонних структур, созданных после Второй мировой войны (ООН, ГАТТ, международные финансовые институты), и необычайно плотной сети трансатлантических и транстихоокеанских отношений и альянсов.⁴ Этот по преимуществу либеральный «Великий Запад» представлял собой новую политическую формацию, которая, несмотря на превращение Соединенных Штатов после окончания «холодной войны» в единственную сверхдержаву и опасность новой американской политики, продолжает оставаться чрезвычайно важной чертой системы. И здесь важно, что Бразилия, Россия, Индия и Китай находятся вне или на окраинах этой формации. В отличие от Японии, Южной Кореи, Канады, Австралии и крупных европейских стран (вместе и по отдельности), они не входят в систему альянсов с Соединенными Штатами.⁵ Вообще все они исторически поддерживали концепции международного порядка, бросавшие вызов концепциям либерального развитого Запада — от (по крайней мере, риторической)

4. G. John Ikenberry, 'Liberalism and empire: logics of order in the American unipolar age', *Review of International Studies* 30: 4, Oct. 2004, pp. 609–630; G. John Ikenberry, *After victory: institutions, strategic restraint and the rebuilding of order after major war* (Princeton, NJ: Princeton University Press, 2001).

5. Членство Бразилии в ОАГ и Конвенции Рио отчасти делают ее исключением. Но, как мы увидим, на протяжении большей части эпохи, наступившей после окончания Второй мировой войны, ее отношения с Вашингтоном не были особенно тесными. Бразилия также составляет исключение с культурной и исторической точки зрения, хотя ее внешняя политика долгое время отличалась колебаниями между поддержкой движения третьего мира (*terceiro-mundismo*) и стремлением к более тесной интеграции с индустриализированным миром.

революционности Советского Союза и Китая до жесткого ревизионизма Индии после 1948 года и мягкого ревизионизма Бразилии с начала 1970-х и до конца 1980-х годов.

После окончания «холодной войны» все четыре страны столкнулись не просто с ростом американского влияния, но и с глубокими изменениями характера международного общества — стремительным ростом числа международных институтов и расширением области и глубины действия международных правил и норм; растущим плюрализмом глобального правления с усилением роли неправительственных организаций, сетей технических специалистов и гибридных государственно-частных форм регулирования и упорядочивания; укреплением идеи, что международное общество не должно ограничиваться простым сосуществованием, а должно проводить в жизнь и выражать множество признанных во всем мире основных принципов, наподобие прав человека и демократии, самоопределения, ограничения на использование силы и сохранения окружающей среды; и, наконец, растущей потребностью в большей «зубастости» норм международного сообщества, предполагающей коллективные силовые действия и широкий спектр многосторонних санкций и условий со стороны ООН.

Этот переход от традиционного плюралистического образа международного сообщества к образу, отличающемуся большей солидарностью, несомненно, был серьезным вызовом для стран, вроде Бразилии, России, Индии и Китая. Он бросил вызов распространенному в этих странах представлению о — большей или меньшей — незыблемости норм суверенитета и невмешательства.⁶ Он повлиял на сложные процессы экономической и политической либерализации во всех этих странах и — что еще более важно — на недостатки и спорность самой этой либерализации. И он бросил вызов традиционным способам ведения внешней политики, сосредоточившись на новых видах «мягкой силы» и «поощрительной» дипломатии. В этом состоит еще одно отличие от либеральных модернистских держав средней величины, вроде Канады или Австралии, внешняя политика которых построена вокруг содействия и использования самих этих изменений.

Наконец, изменение норм международного общества сказалось и на характере клуба великих держав. Статус великой державы никогда не означал наличия большого объема одной только грубой материальной силы. Он всегда был тесно связан с понятиями легитимности и авторитета. Государство может притязать на статус великой державы, но членство в клубе великих

6. Несмотря на распространенную практику «вычитывания» отношения к международным нормам из внутренних характеристик (степень политической либерализации или экономической реформы), не следует недооценивать «синдром большой страны». Бразилия, Россия, Индия и Китай отдают предпочтение жестким концепциям национального суверенитета, и, хотя иногда они выступают в поддержку многостороннего подхода, они склонны сопротивляться действительному делегированию полномочий международным органам. Здесь, конечно, они имеют немало общего с Соединенными Штатами. В этой компании европейское предпочтение к более сложным формам институционализированного глобального правления кажется совершенно нетипичным.

держав — это социальная категория, которая зависит от признания со стороны других: со стороны равных членов клуба, но также и со стороны более слабых государств, готовых признавать легитимность и авторитет тех, кто находится на вершине международной иерархии. Одна из трудностей, встающих перед потенциальными кандидатами на членство в клубе великих держав, состоит в том, что критерии членства могут работать против них, как выяснила в 1918–1919 году Япония в связи с вопросом о расовой дискриминации. Или критерии могут изменяться, вступая в противоречие с их особыми интересами. Так, например, на протяжении большей части «холодной войны» многие считали обладание ядерным оружием необходимым условием для членства в клубе великих держав; но после ее окончания стремление к обладанию ядерным оружием стало считаться свидетельством недопустимого поведения и потенциального статуса страны-изгоя. Так, Китай стремится соответствовать образу «ответственной великой державы», но представления об «ответственности» сегодня серьезно изменились.

Конечно, между этими странами существуют серьезные отличия с точки зрения могущества и геополитической значимости, экономического веса и степени интеграции в мировую экономику, особого культурного и исторического развития и внутривластных систем. Тем не менее их совместное рассмотрение позволяет поставить ряд вопросов о путях к могуществу, которые доступны или могут быть доступны для них, и об объяснительных факторах, которые могут пролить свет на различия в этих путях.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

Во всех дискуссиях о влиянии международной системы на внешнюю политику Бразилии, России, Китая и Индии преобладают два теоретических подхода.

Первый связан с распределением силы и силовой политикой, которая «неизбежно» вытекает из такого распределения. Для неореалистов важнейшей чертой всякой системы является распределение материальной силы, и именно этим обусловлено превосходство Соединенных Штатов в международном порядке после окончания «холодной войны». Военная сила и война важны для понимания распределения власти и значения великой державы: «Великие державы определяются на основании их относительного военного могущества. Чтобы считаться великой державой, государство должно обладать достаточными военными средствами для ведения тотальной конвенциональной войны против самого сильного государства в мире».⁷ С этой точки зрения загадка эпохи, наступившей после окончания «холодной войны» и даже после событий 11 сентября, состоит в отсутствии открытых попыток уравновесить Соединенные Штаты. Одни объяс-

7. John J. Mearsheimer, *The tragedy of great power politics* (New York: Norton, 2001), p. 5. Историческое рассмотрение идеи о том, что «великая держава проверяется войнами», см.: Martin Wight, *Power politics* (Harmondsworth: Penguin / RIIA, 1979), ch. 3.

няют это просто подавляющим могуществом Соединенных Штатов.⁸ Другие полагают, что наличие или отсутствие балансирующего поведения связано не просто с фактом американского могущества, а скорее, с использованием этого могущества Соединенными Штатами. Американское превосходство будет оставаться достаточно стабильным, пока Вашингтон использует свою мягкую силу и свою репутацию в неэкспансионистских целях.⁹ И Соединенные Штаты получают больше, чем они хотят, если они осознают величину и потенциал своей мягкой силы и станут действовать, исходя из такого сознания. Тем не менее другие утверждают, что стабильность зависит от самоограничения, а американская готовность взаимодействовать с международными институтами свидетельствует о таком стратегическом самоограничении. Рациональный гегемон сдерживается и ограничивает сам себя, дабы ослабить ощущение угрозы у других.¹⁰

Наиболее важные выводы из этого анализа касаются, во-первых, представления о концентрации силы как о важнейшей детерминанте внешней политики и, во-вторых, возможности рассмотрения вариантов внешней политики государствами второго порядка в бинарных терминах: сдерживания доминирующего государства, с одной стороны, или его поддержки — с другой. Хотя между оборонительной и наступательной версиями неореализма имеются существенные различия, в обеих версиях появление новых держав связывается с угрозой возникновения силовых политических противоречий.

Неореалистическая теория породила обширную и сложную литературу с множеством субтеорий и конкурирующих диагнозов. Но в ней имеется множество серьезных недостатков. Прежде всего, большая часть этой литературы написана с точки зрения Соединенных Штатов и явно или неявно озабочена стратегиями, которые избирались или должны быть избраны США для сохранения своего преобладающего положения в системе. Во-вторых, внешнеполитические возможности государств второго порядка выводятся дедуктивным путем, независимо от действительного использования или понимания этих политических возможностей самими этими государствами. В-третьих, сами такие возможности слишком размыты: что именно означает «поддержка» и чем определяется выбор среди множества других форм, которые могут включать действия, позволяющие сдерживать гегемона? Насколько полезно различать жесткие и мягкие формы балансирования? Как насчет других возможностей, вроде сокрытия действительных

8. William C. Wohlforth, 'The stability of a unipolar world', *International Security* 24: 1, 1999, pp. 5–41.

9. Joseph S. Nye, *Soft power: the means to success in world politics* (New York: Public Affairs, 2004). Как отмечает Джоффе, одно из достоинств мягкой силы состоит в том, что она осложняет контрбалансирование: «Сосредоточение сил не работает против мягкой силы. Как можно сдерживать силу, которая возникает не из принуждения, а из соблазнения?». См.: Josef Joffe, 'Gulliver unbound: can America rule the world?', the John Bonython Lecture, Sydney, 5 Aug. 2003.

10. G. J. Ikenberry, 'American grand strategy in the age of terror', *Survival* 43: 4, Winter 2001/2, pp. 19–34.

намерений или просто попытки «подстраховаться»? Наконец, неореализм рассматривает систему только с точки зрения распределения силы. Системные силы действительно важны; но, как ясно показывает анализ внешней политики рассматриваемых здесь стран, система куда сложнее, чем полагает неореалистическая теория, и это обстоятельство важно не только для конкретного эмпирического анализа, но и для развития успешной теории.

Второй спектр теоретических подходов обращает внимание не столько на непрерывность конфликтов и силового политического соперничества, сколько на изменения, происходящие в международном и глобальном обществе, особенно в связи с глобализацией. Основная идея состоит в том, что новые виды системной логики позволяют сдерживать даже самого сильного. Происходит развитие нового *raison de système*, который изменяет и в конечном итоге заменяет старые представления о *raison d'état*. После окончания «холодной войны» в этой области возобладали либеральные версии знакомых рассуждений.

Для институционалистских либералов глобализация и более плотные сети транснационального обмена и коммуникаций обостряют потребность в международных институтах и новых формах правления. Институты нужны для разрешения сложнейших дилемм коллективного действия, возникающих в объединенном мире. По мере расширения области интересов и углубления интеграции в мировую экономику и мировое сообщество крупные государства естественным образом будут тянуться к институтам, предлагающим большую выгоду от большего сотрудничества. Институты важны для объяснения того, как происходит возникновение и распространение новых норм в международной системе и как происходит изменение и развитие государственных интересов. Институты могут играть важную роль в распространении норм социализации и в интернализации, посредством которой более слабые участники усваивают такие нормы. Институты также могут быть местами, в которых государственные чиновники сталкиваются с новыми нормами (как в случае с нормами охраны окружающей среды); они могут действовать как каналы или средства передачи норм (как в случае с распространением неолиберальных экономических норм в международных финансовых учреждениях); или они могут поддерживать уже начавшиеся внутренние изменения (посредством государственных стратегий или давления со стороны транснационального гражданского общества).

ХОТЯ МЕЖДУ ОБОРОНИТЕЛЬНОЙ
И НАСТУПАТЕЛЬНОЙ ВЕРСИЯМИ
НЕОРЕАЛИЗМА ИМЕЮТСЯ СУЩЕ-
СТВЕННЫЕ РАЗЛИЧИЯ, В ОБЕИХ
ВЕРСИЯХ ПОЯВЛЕНИЕ НОВЫХ
ДЕРЖАВ СВЯЗЫВАЕТСЯ С УГРО-
ЗОЙ ВОЗНИКНОВЕНИЯ СИЛОВЫХ
ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОТИВОРЕЧИЙ

Системные либералы во многом отталкиваются от тех же исходных идей, но предлагают более общий кантианский образ медленного, но верного распространения либеральных ценностей, отчасти благодаря либеральной экономике и росту экономической взаимозависимости, отчасти благодаря либеральному правовому порядку, начинающему поддерживать автономию глобального гражданского общества, а отчасти благодаря успешному примеру самой многогранной системы либерально-капиталистических государств. Одни придают особое значение внутренней рациональности экономической либерализации: государственнические экономические модели потерпели провал, и для Бразилии, России, Индии и Китая разумно выработать внешнюю политику, нацеленную на максимизацию возможностей, открываемых экономической глобализацией. Другие замечают, что выбор невелик, и государства вынуждены признавать превосходство идей, которые завоевали мир. Третьи обращают внимание на третью волну демократизации, которая смела авторитарные националистические правительства и государственно-националистические коалиции, часто поддерживавшие их. Четвертые указывают на роль транснациональных движений, правозащитных сетей и «сообществ знания» в изменении представлений об интересах государства.

Для сторонников этой точки зрения такое развитие свидетельствует об изменении «валюты» силы, в частности, об обесценивании жесткой, военной силы. Они также изменяют динамику и последствия концентрации силы. Переставая считаться угрозой, концентрация либеральной силы создает либеральную версию поддержки сильного. Точно так же, как пример либерального и преуспевающего ЕС создал веские стимулы для подражания и стремления к членству в нем, в более широком масштабе и в более широкой временной перспективе подобное развитие будет наблюдаться и в либеральном развитом мире в целом. Во всяком случае, противодействие либеральному порядку сопряжено с опасностью отнесения того, кто оказывает такое противодействие, к странам-изгоям и врагам экономической и политической свободы. Наконец, значение силы зависит от того, какая версия либерализма преобладает в ключевых государствах, особенно в Соединенных Штатах: сдержанные либералы, которые полагают, что история на их стороне, и вслед за Кантом верят в решающую силу примера; или решительные либералы, которые полагают, что историю необходимо пришпоривать и что процессам экономической и политической либерализации следует активно содействовать при помощи государственной власти, в том числе с использованием военной силы.¹¹

Эти системные рассуждения имеют прямое отношение к анализу Бразилии, России, Индии и Китая. Во-первых, они показывают, что эти страны

11. Об этом различии см.: Benjamin Miller, 'The rise of offensive liberalism and the war in Iraq', paper delivered at International Studies Association, Montreal, March 2004. Влияние решительного либерализма, скорее всего, укрепит во всех этих четырех странах представление о том, что идеологии и практики экономической глобализации и либеральной солидарности тесно связаны с гегемонистским могуществом Соединенных Штатов и их ближайших союзников.

столкнутся с серьезным давлением, на которое им так или иначе придется ответить, и что теоретическая логика этого ответа лучше всего описывается либо понятиями рационального приспособления, обучения и освоения специальных знаний, либо понятиями подражания, нормативного убеждения, социализации и интернализации. Во-вторых, они предполагают, что источниками противодействия изменениям, скорее всего, будут «блокирующие» коалиции, состоящие из заинтересованных групп, которые приобрели власть при предыдущих экономических и политических моделях, или сохраняющееся влияние старых идей и идеологий, нередко закрепленных в государственных институтах.

СТРАТЕГИИ И ВОЗМОЖНОСТИ

Региональное преобладание и глобальное могущество

Интуитивно понятно, что региональное преобладание должно быть важной составляющей всяких притязаний на статус ведущей державы. Государство может считать себя или считаться другими представителем отдельного региона, который, в свою очередь, может определяться в географических, лингвистических, культурных или цивилизационных терминах. Это (спорное) понятие представительства было важным элементом в спорах о постоянном членстве Бразилии и Индии в Совете Безопасности. Государство может считать регион средством накопления власти и образования региональной коалиции для поддержки на внешних переговорах (как в случае с Бразилией и Меркосур в переговорах о Зоне свободной торговли обеих Америк). Государство может стремиться играть активную и решительную роль в региональном кризисном управлении для подкрепления своих притязаний на статус региональной державы и для обеспечения того, что оно не будет исключено из форм кризисного управления, предпринимаемого внешними игроками (как в случае с Китаем и Северной Кореей). Наконец, государство можно считать крупной державой, когда оно играет управляющую или упорядочивающую роль в своем регионе. Это, в свою очередь, может стать важным элементом в отношениях с международными институтами или Соединенными Штатами.

И тем не менее примеры Бразилии, России, Индии и Китая показывают всю сложность взаимосвязей регионального и глобального уровней. Во всех четырех случаях внешняя политика во многом определяется региональным контекстом — созданием региональных балансов сил (особенно в Юго-Восточной Азии); изменением ситуации с безопасностью в регионе (особенно в виде новых угроз); и еще более глубокой социально-экономической регионализацией. Регионы также во многом зависят от исторических представлений о них. И Россия, и Индия считают себя естественными лидерами закрытого региона, вмешательство извне в которых вызывает резкое недовольство. И все же все более широкое распространение получает представление о регионе как об ограничении, а не как о возможности.

Во-первых, регион может быть источником слабости вследствие неразрешенных региональных конфликтов (например, Тайваня или Кашмира) или региональной нестабильности и явной сложности сохранения влияния в нем, как в случае с Россией. Необходимость поддержания регионального влияния и предотвращения его дальнейшей эрозии была основной особенностью российской внешней политики. И все же сложности и издержки, связанные с выполнением этой задачи, были и остаются очень высокими. Поражение в Чечне в 1994-1995 годах и последующая неспособность обеспечения стабильного контроля служит прекрасной иллюстрацией неспособности российских войск в 1990-х поддерживать внутренний суверенитет. Кроме того, методы, которые Москва обычно использовала для поддержания или возвращения своего влияния, вызвали возражения у других важных международных участников, особенно у Европы. Бразилия при правлении Лулы расширила область своих политических интересов в Южной Америке и готова была играть более решительную политическую роль; но в случае с андским регионом она столкнулась с кризисной областью, не имея экономических или военных ресурсов для того, чтобы и дальше играть такую роль. В случае с Индией региональный/глобальный баланс силы и источники нестабильности особенно проблематичны.

Здесь показательно отличие от Соединенных Штатов. Особое положение Соединенных Штатов во многом объясняется тем, что, в отличие от других современных великих держав, они не сталкивались с геополитическими вызовами внутри своего региона и способны были предотвращать или, точнее, сдерживать рост влияния в регионе внешних по отношению к нему держав. Все это так (даже если региональная гегемония Соединенных Штатов датируется слишком ранним временем и часто переоценивается). Но еще одним важным региональным аспектом американского могущества является способность избегать слишком сильной вовлеченности — речь, прежде всего, идет о способности избегать ввязывания в мелкие конфликты на своих «задворках». Соединенные Штаты просто считали этот регион своим и долгое время вообще не занимались никакой региональной политикой (что стало особенно заметно после 2001 года). И именно поэтому Бразилии удалось обрести сравнительно автономную роль в регионе.

Во-вторых, попытки приобретения глобальной роли легко могут вызвать враждебность или, по крайней мере, обеспокоенность у соседей по региону. Об этом свидетельствует, к примеру, реакция региональных государств второго порядка на попытки Индии и Бразилии стать постоянными членами Совета Безопасности, а также на более решительную региональную политику Бразилии в Южной Америке, особенно со стороны Аргентины.

В-третьих, доминирующая держава в системе может воспользоваться возможностью использования региональных конфликтов для своей собственной выгоды и заниматься «оффшорным» балансированием, в соответствии с предсказаниями неореалистической теории. Та же логика применима и к региональным механизмам: Соединенные Штаты максимизируют свое влияние, поддерживая такую институционализацию регионализма,

которая не только никак не связывает и не ограничивает США, но и препятствует или не допускает появления других, меньших региональных объединений, которые могут оказаться способными бросить вызов Соединенным Штатам. Такое поведение прослеживается как в случае с Азиатско-Тихоокеанским регионом, так и в случае с обеими Америками.

Международные институты и институциональное закрепление

При всей своей несомненной ведущей роли в качестве средств достижения общих интересов и распространения общих ценностей, институты — это места силы, и неравенство сил играет важную роль в создании и деятельности институтов. Так, например, «порядок» времен «холодной войны» и продолжительный мир 1945–1989 годов были устроены весьма традиционно и покоились на поддержании баланса сил между сверхдержавами (путем соглашения о контроле над вооружениями, встреч на высшем уровне и создания механизмов кризисного управления) и использовании иерархии (путем взаимного, хотя и молчаливого, признания сфер влияния и создания олигархической системы нераспространения, призванной ограничить доступ становящихся держав к ядерному клубу). Более того, даже когда идея суверенного равенства добилась больших успехов, а международные институты стали больше (в количественном отношении и влиянии), иерархия и неравенство продолжали играть важную роль в международной политике. Иногда «упорядочивающая» роль иерархии закреплялась формально, как в особых правах и обязанностях постоянных членов Совета Безопасности или особом порядке голосования в структурах МВФ или Всемирного банка. Чаше ее можно увидеть во влиятельных политических нормах, а также практике *ad hoc* объединений и контактных групп для разрешения конкретных кризисов безопасности; или в значении «большой восьмерки» не только в усилиях по разрешению глобальных экономических проблем, но и во многих других, гораздо более широких вопросах; или в том, что международное финансовое руководство тесно связано с закрытыми влиятельными группами (как в Банке международных расчетов или Форуме финансовой стабильности).

Принимая во внимание сказанное, нет ничего удивительного в том, что державам, стремящимся обрести влияние, приходится уделять такое большое внимание играм в институционализированной иерархии. Отсюда озабоченность России своей ролью в Совете Безопасности и повышенное внимание к участию в саммитах «большой восьмерки». Отсюда «фиксация» Китая на ООН и его противодействие любым реформам Совета Безопасности, связанным с включением новых постоянных членов. Кампания Бразилии за постоянное членство в Совете Безопасности сыграла важную роль в расширении связей с Югом вообще и повлияла на конкретную политику (как в случае с ее ведущей ролью в миссии ООН на Гаити или выступлениями по правам человека).

Также неудивительно, что для Бразилии и Индии нераспространение ядерного оружия было такой важной проблемой. Для Бразилии с конца

1960-х до конца 1980-х годов Договор о нераспространении служил одним из ярчайших примеров того, что она называла «замораживанием мировой державы», хотя позднее она постепенно возобновила добрососедские отношения с Аргентиной и стала членом основных режимов по контролю над вооружениями, в том числе — в 1998 году — договора о нераспространении.¹² В случае с Индией режим нераспространения олицетворял собой ограничение, накладываемое иерархически организованным режимом на ее внешнюю политику. Он олицетворял различие между богатыми и бедными и помеху на пути быстрого развития и технологического прогресса. Но этот случай также показывает, как величина и геополитическая важность страны позволили бросить успешный вызов этому режиму. Хотя цена этого была велика (и на региональном уровне, и в отношениях с Вашингтоном), Индия смогла получить неявное признание в качестве ядерной державы. Достигнув этой цели, она теперь, конечно, стремится казаться «ответственной ядерной державой» и выражает заинтересованность в препятствовании дальнейшему распространению.

Тот факт, что эти четыре страны являются государствами второго порядка, также означает неизбежную двойственность их политики в отношении международных институтов. С одной стороны, они могут использовать институты для выполнения некоторых классических властных функций, прежде всего для успокоения более слабых государств, особенно в своих регионах. Наиболее явным примером этого служат изменения в китайской политике по отношению к региональным институтам безопасности и ее желание использовать институты для успокоения более слабых государств, особенно в их отношениях с АСЕАН. С другой стороны, их сохраняющийся статус государств второго порядка, сталкивающихся с более сильными Соединенными Штатами, означает, что они заинтересованы в институтах как средстве сдерживания наиболее сильного.

Во-первых, институты могут ограничивать сильных при помощи сложившихся правил и процедур. Основная цель состоит в том, чтобы связать Гулливера как можно большим числом способов, какими бы тонкими ни были отдельные институциональные нити. Поэтому не удивительно, что Бразилия и Индия оказываются четвертым и пятым самыми активными истцами в механизмах урегулирования споров в ВТО. Также не удивительно, что Бразилия, Китай и Индия стремятся использовать международные институты для противодействия попыткам США ввести новые нормы использования силы (например, для смены режима) или ограничения суверенитета. Во-вторых, институты предоставляют более слабым государствам политическое пространство для создания новых коалиций, позволяющих влиять на складывающиеся нормы таким образом, который отвечает их интересам, и уравнивать или, по крайней мере, изменять предпочтения

12. Бразилия остается озабоченной своим дальнейшим технологическим развитием в этой области и созданием собственных мощностей по обогащению и переработке урана из-за существующих международных ограничений.

и политику наиболее сильного. Прекрасным примером здесь может служить активная коалиционная политика Бразилии и Индии в ВТО, особенно если вспомнить коалицию «большой двадцатки», созданной в Канкуне в 2003 году.

В-третьих, институты позволяют более слабым государствам «высказаться», изложить свои интересы и попытаться добиться политической поддержки на более широком рынке идей. На протяжении большей части 1990-х годов все эти страны занимали оборонительные позиции в отношении либеральных норм, продавливаемых индустриализированным Западом: все четыре были против гуманитарного вмешательства; Бразилия и Индия — против еще более широкой экономической либерализации, особенно в контексте ВТО. Благодаря своим оборонительным действиям Индия приобрела репутацию жесткого, несгибаемого и, с точки зрения некоторых, идеологического переговорщика. Баланс между искренним принятием, прагматическим приспособлением и сопротивлением меняется в зависимости от проблем, страны и времени. Примечательна форма, в которой эти страны более активны, к примеру, используя язык демократии и представительства в призывах к реформе международных институтов или используя язык экономического либерализма как средство для нападения на американский и европейский протекционизм. И Бразилия, и Индия требовали более справедливого представительства (как в случае с членством в Совете Безопасности или принятием решений в ВТО) и большей справедливости в распределении (как в случае с призывами Бразилии к созданию мирового фонда для борьбы с голодом). Но куда менее ясно, как далеко эти страны продвинулись в том, что касается производства идей, которые в будущем смогут составить концепции глобального порядка. Это важно по многим причинам, и не в последнюю очередь потому, что, хотя государственная мощь, несомненно, гегемонистски структурирована вокруг США, власть идей, ценностей и культуры потенциально более открыта и спорна.

Отношения с Соединенными Штатами: поддержка сильного или прагматичное приспособление?

Как мы уже видели, некоторые аналитики полагают, что открытое использование американской силы не только исключает действенную оппозицию, но и увеличивает стимулы для поддержки Вашингтона. По выражению Уолфорта, «единственным вариантом, имеющимся у государств второго порядка, является поддержка одного из полюсов (явная или неявная) или, по крайней мере, воздерживание от действий, которые могут встретить враждебный отклик».¹³ За поддержкой сильного стоят три мотива:¹⁴

13. Wohlforth, 'The stability of a unipolar world', p. 25.

14. Stephen M. Walt, *The origins of alliances* (Ithaca, NY: Cornell University Press, 1987), pp. 19–21.

во-первых, вставая на сторону доминирующего государства, более слабое государство надеется избежать вызовов или направить их в другое русло; во-вторых, государство встает на сторону доминирующего государства, чтобы принять участие в дележе выгоды от войны или других форм конфликта (например, получая доступ к ближневосточной нефти благодаря поддержке американской политики); и, в-третьих, государство встает на сторону доминирующего государства, чтобы получить иные политические или экономические преимущества (например, Россия поддержала борьбу с терроризмом в обмен на смягчение критики ее внутренней или региональной политики).

Логика поддержки сильного играла определяющую роль в недавней американской внешнеполитической мысли и практике. Жесткая односторонность и акцент на угрозе использования военной силы могут иметь смысл

ЗНАЧЕНИЕ ПОДДЕРЖКИ СИЛЬНОГО КАК МОТИВА ПОЛИТИКИ ТЕКУЧЕ И ИЗМЕНЧИВО И ВАРЬИРУЕТСЯ СО ВРЕМЕНЕМ И В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ПРОБЛЕМ

только в том случае, если основным ответом более слабых государств и других участников будет прямое подчинение (шок и трепет) или желание вести переговоры. Но культивация поддержки сильного, особенно у важных государств второго порядка, остается важной, когда провалы жесткой, односторонней политики в духе «сами со всем справимся» становятся как никогда более очевидными. Поскольку мы вступаем в период гегемонистской

декомпрессии, возникает вопрос: какие варианты политики доступны для Вашингтона? Первым (наименее вероятным) является искреннее принятие либеральной односторонности. Второй состоит в возврате к институтам при одновременной попытке изменить эти институты так, чтобы лучше отвечать нынешним американским интересам. Третий связан с переносом внимания на долгосрочный элемент американской внешней политики, а именно — выстраивание системы разветвленных отношений с крупными складывающимися или региональными державами.¹⁵

Очевидно, что в случае с Бразилией, Россией, Индией и Китаем концентрация силы в и вокруг Соединенных Штатов имеет определяющее значение для формирования их представлений о системе и имеющихся у них воз-

15. Эта модель преобладает в политике Соединенных Штатов по отношению к Азии. Она также была важна для американской внешней политики в предыдущий период имперского перенапряжения, а именно — в конце 1960-х — начале 1970-х годов: идея, что американские интересы лучше всего можно защитить путем передачи «ответственности» «региональным влиятельным участникам» в форме доктрины Никсона. См.: Robert Litwak, *Détente and the Nixon Doctrine: American foreign policy and the pursuit of stability 1969–1975* (Cambridge: Cambridge University Press, 1984).

возможностях. Также верно, что такая концентрация создала серьезные стимулы для того, чтобы избежать враждебного отношения со стороны США и, по мере возможности, искать совпадения интересов. И все же не ясно, насколько полезно описывать в терминах поддержки сильного. С одной стороны, эта категория включает политику от искренней поддержки до прагматичного приспособления. С другой стороны, значение поддержки сильного как мотива политики текуче и изменчиво и варьируется со временем и в зависимости от проблем.

Из четырех рассматриваемых государств бразильская политика дальше всего отстоит от такой политики. На самом деле поддержка сильного была особенностью американско-бразильских отношений в отдельные периоды (особенно в 1942–1945 и 1964–1967 годах). Но на протяжении большей части эпохи после окончания Второй мировой войны отношения не были особенно близкими и характеризовались реальными столкновениями интересов (особенно по экономическим и торговым вопросам), глубокими расхождениями в представлениях этих стран о международной системе и взаимным разочарованием.¹⁶ В последнее время политика стала ориентироваться на сосуществование, возможное сотрудничество и минимизацию столкновений, но при этом она избегала каких-то особых отношений.

Между американско-индийскими и американско-бразильскими отношениями в эпоху «холодной войны» имеются поразительные сходства, особенно с точки зрения роли взаимного искаженного восприятия. Следующая оценка американско-индийских отношений вполне может быть применена к Бразилии:

Соединенные Штаты и Индия заметно отдалились друг от друга за эти годы, причем не только из-за крайне искаженного восприятия с обеих сторон, но и из-за фундаментальных разногласий о наилучшем способе мирной организации международной системы, природе Советского Союза, достоинств (или недостатков) союзов и, прежде всего, степени, в которой Соединенные Штаты, в глазах Индии, противились превращению ее в крупную державу.¹⁷

Разногласия между Вашингтоном и Дели сохранялись и в 1990-х годах, а восстановлению отношений помешали испытания ядерного оружия в 1998 году и близость Соединенных Штатов с Пакистаном, которая только усилилась с началом войны с террором. Но в последнее время получил распространение язык «естественных союзников» и «стратегического партнерства» и было заключено множество конкретных соглашений, особенно соглашения по ядерному оружию в июле 2005 года. В то же время о фундаментальном изменении отношений говорить пока рано; Индия явно заинтересова-

16. Более полный анализ см.: Andrew Hurrell, 'The United States and Brazil: comparative reflections', in Mônica Hirst, *The United States and Brazil: the long road of unmet expectations* (New York: Routledge, 2005), pp. 73–108.

17. Stephen P. Cohen, *India, emerging power* (Washington DC: Brookings Institution, 2001), pp. 287–298.

на в развитии и использовании более широкого диапазона внешнеполитических отношений, но во внешнеполитической мысли и поведении Индии сохраняется серьезная преемственность. И, конечно, она не собирается отказываться от своих связей с развивающимися странами.

В случае с Китаем нельзя не отметить существование множества различных позиций внутри страны, и китайскую политику по отношению к Соединенным Штатам лучше всего описывать как прагматичное приспособление. С одной стороны, Китай стремится приспособиться к американскому преобладанию и занимается поиском точек соприкосновения и общих интересов. Несмотря на критику американской политики, которая вызывала у него глубокое несогласие — наиболее показательным случаем служит Ирак, — он не предпринял в ответ никаких реальных действий, и, в отличие от Бразилии и Индии, он не выражал недовольства американскими действиями в ВТО. Тем не менее нельзя исключать возможность того, что в случае ухудшения отношений с Вашингтоном Китай перейдет к более активной внешней политике. После событий 11 сентября произошел отход от рассуждений о многополярности и переход к признанию бесспорного главенства Америки. Это привело к трезвому осознанию необходимости избегания конфронтации по вопросам, представляющим жизненно важный интерес для Соединенных Штатов (как в случае с Ираком), в сочетании с готовностью участвовать в трудных переговорах, выстраивать как можно более широкие связи и отстаивать свои интересы везде, где только можно, особенно с непосредственными соседями. Оценки порога американской терпимости стали одним из важнейших элементов внешней политики (наилучшей иллюстрацией здесь служит российская политика по отношению к Ирану).

Наконец, нужно сделать еще два замечания. Поддержку сильного иногда считают самым простым «выбором». И все же известно, что лишь немногие в мире обладают ресурсами и даже потенциальной возможностью для того, чтобы извлечь из этого пользу: установить тесные связи между администрациями (в том числе между военными и спецслужбами), проводить консультации на постоянной основе и создать широкую сеть социальных взаимосвязей. В нынешнем контексте одним из наиболее интересных признаков потенциального изменения служит рост транснациональных связей с общиной американцев индийского происхождения и попытками индийского правительства использовать их в своих интересах (в том числе после своих ядерных испытаний). Кроме того, несмотря на наличие серьезных стимулов для ведения продуктивного торга с Вашингтоном, у всех этих стран были трудности в отношениях с этим особенным гегемоном. Соединенные Штаты никогда не были страной, поддержка которой давалась легко, и это особенно справедливо в период после 2001 года — период, в который они подчеркивали свое безусловное право на безопасность даже ценой небезопасности других; поддерживали традиционно жесткую концепцию своего суверенитета, заявляя при этом, что суверенитет других должен быть условным; провозглашали жесткий морализм и выступали за пересмотр структуры международного общества.

Переход к мягкому поддержанию баланса?

Нередко встречаются — разные по силе и жесткости — заявления о недовольстве однополярной структурой глобальной политики и желательности более сбалансированной системы — «хотя бы чуть большей многополярности в мире», как выразился недавно бразильский министр иностранных дел.¹⁸ Теоретики справедливо отмечают отсутствие балансирующего поведения в «жестком» традиционном смысле, а практики, несомненно, добавили бы, что любые попытки такого поведения противоречат как их интересам, так и любому реалистическому пониманию жизнеспособной политики. Но как насчет более тонких форм балансирующего поведения, вроде мягкого или ограниченного поддержания баланса? Такое поведение не связано с прямыми попытками противостояния или сдерживания доминирующего государства путем создания военных блоков (внешний баланс) или наращивания военной мощи (внутренний баланс). Напротив, как замечает Пол, оно связано с другими формами сотрудничества: межгосударственными союзами, неофициальными соглашениями, *ad hoc* сотрудничеством или взаимодействием в региональных или международных институтах.¹⁹ Его цель состоит в том, чтобы усложнить и сделать более дорогостоящей американскую политику в международных институтах (особенно с помощью отказа в признании легитимности), оспаривать американские предпочтения и уклоняться от действительно (в отличие от формального и риторического) сотрудничества, от которого зависит достижение американских внешнеполитических целей. Согласно Пейпу, его цель состоит в том, чтобы использовать невоенные инструменты для «затормаживания, расстройств и срыва агрессивной односторонней американской политики».²⁰ В этом, конечно, нет ничего нового; и это явление известно всякому, кто занимался изучением внешнеполитических возможностей государств, находящихся в сфере влияния великих держав.²¹

Но насколько верно рассматривать недавнюю политику Бразилии, Индии, Китая и России и особенно развитие различных отношений между ними с точки зрения мягкого или ограниченного поддержания баланса?

Критики мягкого балансирования справедливо говорят, что не все поведение, которое похоже на балансирование, действительно вызвано стремлением к поддержанию баланса сил. Может существовать немало веских экономических, региональных или внутривнутриполитических причин, по которым государства второго порядка стремятся сотрудничать друг с другом. Если их действия не являются своеобразным ответом на американское могущество, тогда, конечно, нет никакого смысла в использовании теории баланса сил.

18. Celso Amorim, interview in *Folha de São Paulo*, 16 May 2005.

19. T. V. Paul, 'Soft balancing in the age of US primacy', *International Security* 30: 1, Summer 2005, pp. 58–9.

20. Robert A. Pape, 'Soft balancing against the United States', *International Security* 30: 1, Summer 2005, p. 10.

21. См.: Andrew Hurrell, 'The United States and Latin America: neorealism re-examined', in *Explaining international relations since 1945* (Oxford: Oxford University Press, 1996), p. 163.

Также важно помнить о степени приспособления к Соединенным Штатам, пределах сотрудничества между государствами второго порядка (противодействие Китая реформе Совета Безопасности или относительная слабость якобы «стратегических» связей между Индией и Бразилией) и сохранении подозрительности в отношениях между ними (как в случае с Россией и Китаем).

Но те, кто отстаивают возможность мягкого балансирования, рискуют поднять планку слишком высоко и недооценить роль американской силы и американской политики во всем спектре различных проблемных областей. Полезность теории баланса сил не ограничивается теми случаями, когда несбалансированная сила представляет прямую угрозу безопасности других государств.²² Проблема несбалансированной силы состоит не в том, что она неизбежно ведет к военной угрозе, а скорее, в том, что радикально несбалансированная сила позволяет сильному устанавливать правила для менее сильного, поворачивать условия сотрудничества себе на пользу, навязывать свои ценности и образы действия и подрывать процедурные правила, от которых неизбежно должно зависеть устойчивое и легитимное сотрудничество. Именно поэтому осознаваемая потребность «сдерживания» силы Соединенных Штатов является важнейшей составляющей политики Бразилии, России, Индии и Китая во многих областях и по многим проблемам, которые скептики хотели бы ограничить ареной «нормального дипломатического торга». Политика Бразилии и Индии в ВТО напрямую связана с системной концентрацией силы и не является просто следствием специфических интересов.

Наконец, эта идея во многом зависит от значения, которое придается вопросам легитимности и символического действия. Для скептиков «мягкое балансирование не имеет отношения к символическому действию. Оно связано только с политикой, которая нацелена на ограничение или изменение силы Соединенных Штатов».²³ Но только очень узкое и ограниченное представление о силе позволяет так легко отмахиваться от важнейшего фактора в поддержании американского могущества — успешного возвращения легитимности. Как замечает Арон, «или великая держава не потерпит равных и в конечном итоге превратится в империю, или она согласится быть первой среди суверенных единиц и получит признание своего превосходства».²⁴ Легитимность и символическое действие необычайно важны для получения такого признания.

Экономическое развитие и варианты внешней политики

Во всех четырех случаях задачи экономического развития имеют большое значение, как в общей правительственной политике, так и в конкретных целях — важность сырья и энергоресурсов в китайской внешней политике;

22. Stephen G. Brooks and William C. Wohlforth, 'Hard times for soft balancing', *International Security* 30: 1, Summer 2005, p. 103.

23. Brooks and Wohlforth, 'Hard times for soft balancing', p. 82.

24. Raymond Aron, *Peace and war: a theory of international relations* (London: Weidenfeld & Nicolson, 1966), p. 70.

желание Бразилии диверсифицировать экспортные рынки; значение растущих американских и западных иностранных инвестиций в Индии; или роль энергетического экспорта как одного из важнейших способов выбивания уступок на переговорах в российской внешней политике. В случае с Китаем экономический успех основывался на интеграции в мировую экономику, и этот успех открывал множество возможностей для торга и действовал на американскую силу как ограничитель. Кроме того, со временем китайская «модель» может превратиться во все более влиятельный ресурс мягкой силы.²⁵ В других случаях экономические ограничения играют определяющую роль — как в случае с акцентом на внутреннем укреплении России при Путине и важнейшем императиве возрождения экономики и восстановления действенной роли государства; или с сохраняющейся крайней экономической уязвимостью бразильского правительства.

Но очень трудно проследить четкую связь между определенными моделями экономического развития или даже степенью экономической либерализации, с одной стороны, и выбором конкретных вариантов внешней политики — с другой.

Прежде всего, во всех разговорах о требованиях глобализации и необходимости подчинения этим требованиям особенно поражает дальнейшее движение стран по своим различным траекториям развития. Во всех этих случаях сильные внешние требования изменений наталкивались на глубоко укорененные внутренние социальные, политические и экономические структуры и совершенно особые национальные традиции. В 1990-х годах многочисленные дискуссии о глобализации вращались вокруг абсолютно бессмысленной оппозиции между смешением и фрагментацией или сближением и восстанием. Хотя системные требования, связанные с глобализацией, очень сильны, очень важно вскрывать и деконструировать сложные процессы разложения и приспособления, которые происходят в отдельных обществах, особенно больших и сложных. После этого интуитивно влиятельная идея гомогенизации терпит крах, поскольку становится ясно, что результаты ни в коей мере не походят ни на простую либеральную «модель», ни на простое отклонение от этой модели. И вновь категория «большой и сложной страны» имеет важное значение: несмотря на действительное усвоение внешних норм, исходом этого процесса оказывается не соответствие некой общей модели, а скорее, новые конфигурации национальных убеждений и новые представления наций о самих себе и своем месте в мире. С точки зрения внешней политики, это служит подтверждением идеи, что выбор политики нельзя считать простой функцией требований системы.

Кроме того, во всех четырех случаях необходимо отметить большое значение государственного контроля над внешней политикой. Основная идея либеральной теории состоит в том, что экономическая и политическая либерализация должна вести к большему плюрализму. Следует ожидать

25. См.: Anthony Payne, *The global politics of unequal development* (Basingstoke: Palgrave, 2005), pp. 95–100.

отхода от сильной государственности, которая прежде была характерна для всех этих стран. На внешнеполитические стратегии будет влиять, хотя и не формировать их, растущий социальный плюрализм, который сопутствует экономической и политической либерализации (порождающей промышленные группы, политические партии, социальные движения и неправительственные организации, научные и академические сообщества). Но, как показывают конкретные исследования, действительное влияние заинтересованных групп на политику в Индии и Бразилии весьма ограничено.

Наконец, если модели, ориентированные на внутреннее развитие, после Второй мировой войны были тесно связаны с националистической внешней политикой, движение к экономической либерализации и большей интеграции в мировой экономике, по всей видимости, не имеет четкого коррелята во внешней политике. В Бразилии решительная внешняя политика Лулы сочеталась с крайне ортодоксальной макроэкономической политикой внутри страны. И Индия, и Китай, хотя и по-разному, показывают, что национализм и экономическая либерализация вполне могут сосуществовать друг с другом — естественным образом или в результате целенаправленных действий со стороны правительства. Националистическая внешняя политика может сознательно использоваться для поддержания легитимности (как в Китае) или для компенсации отсутствия радикализма внутри страны (как в Бразилии). В случае с Индией большое значение имеет внутренняя политическая культура, которая определяет использование громкой риторики. Успех имеет первоочередное значение. Цели достижения большего влияния и более заметной роли в мире или регионе остаются неизменными; либеральная экономическая интеграция служит средством для достижения этих целей. Поэтому готовность бросить вызов возникает из уверенности в экономическом успехе. Такое утверждение не означает принятия неореалистической веры в существование неизбежной и неразрывной связи между экономической силой и, по крайней мере, потенциальным, военно-политическим вызовом. Скорее, оно означает, что все государства, особенно очень крупные государства, находят баланс между экономическим благосостоянием/развитием и поддержанием силы/автономии. Сила важна, потому что даже в контексте продолжающейся рыночной либеральной экономической реформы в преимущественно либерально-рыночной мировой экономике возможности для реальных столкновений интересов и ценностей остаются очень широкими. Кто и сколько получит? Кто устанавливает правила глобальной экономики? Чьи ценности находят воплощение в этих правилах?

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В начале этой статьи я привел несколько доводов в пользу рассмотрения Бразилии, России, Индии и Китая в качестве одной группы. Необходимо отметить еще два сходства. Первое — это общее ощущение неопределенности, особенно когда речь идет о поведении Соединенных Штатов. Поэтому нет ничего удивительного в том, что подстраховка станет важной особен-

ностью внешнеполитического поведения государств второго порядка. Второй — и, возможно, более удивительной — чертой является общее ощущение уязвимости. Размер может расширять возможности, и каждая из этих стран может верить в свое «естественное» право на влияние на международной арене. Но все же они остро сознают свою уязвимость. Конкретный характер проблем меняется от страны к стране, как и баланс между уязвимостями, связанными с системой в целом, неблагополучными регионами и соседями и внутренней сплоченностью и состоятельностью государства.

С другой стороны, это крайне неоднородная группа государств. Россия — держава, которая находилась в состоянии упадка в течение, по крайней мере, последних двадцати лет и внешняя политика которой определяется теперь стремлением преодолеть этот упадок. И совсем не ясно, насколько она преуспеет в этом. Особняком стоит Китай. Его властные ресурсы и потенциальное экономическое развитие не просто вещи совсем другого порядка; его влияние связано с долгосрочным сознанием того, кем бы ему хотелось стать, и что как государство он до сих пор сохранял значительную силу и сплоченность. Он также прекрасно понимает, что его растущее влияние рассматривается другими в качестве потенциальной угрозы. И в обозримом будущем Индию и Бразилию лучше всего считать не великими державами, а все более активными и влиятельными промежуточными государствами.

Бразилия и Индия относятся к иной категории еще по одной причине. С одной стороны, они могут считаться — и считать себя — потенциальными крупными державами, как в своих регионах, так и шире. Но, с другой стороны, они признавали себя развивающимися странами и рассматривали свои варианты возможной внешней политики сквозь призму отношений между Севером и Югом. Это особенно заметно в случае с Индией; случай Бразилии не настолько однозначен, но, по крайней мере, при нынешнем правительстве дело обстоит именно так. Но является ли этот язык «третьего мира» и «южной солидарности» просто пережитком прошлого? Или это продуманная стратегия, которая отражает специфический набор конкретных интересов (как в вопросах торговли в рамках ВТО)? Или это отражение более глубоких убеждений, интересов и привязанностей? Если это так, то не вступает ли такая «идентичность развивающейся страны» в противоречие со стремлением к «идентичности великой державы»? В обоих случаях такая двойственность свидетельствует о противоречии между стремлением к международному влиянию и глубоким ощущением уязвимости, а также о сложности противодействия миру, бросающему вызов старым национальным образам действия и мысли. Об этом говорят горячие — и еще на завершающих — споры о том, насколько эти страны должны принимать либеральный глобализованный порядок и каким может быть действительное пространство для автономии перед лицом меняющегося характера мировой экономики, с одной стороны, и американской гегемонистской державы — с другой.

Перевод с английского Артема Смирнова